

Никогда раньше он не испытывал такого страха. Даже когда несколько лет назад на поле боя он видел реки крови и груды тел; даже когда на передовой внезапно пришла страшная весть, и он три дня и три ночи скакал на лошади, чтобы вернуться и увидеть лишь тело отца... он ни на мгновение не ощущал ни капли страха.

Может быть, он был рожден богом войны, и кровь сражений была его украшением, а расставания и смерти в этом мире для него были подобны снегу, падающему на поверхность озера, не оставляя даже следа.

Но сейчас он боялся. Боялся, что этот человек постепенно остынет, боялся, что больше никогда его не увидит...

Он протянул руку, дрожа, пытаясь вытащить стрелу, но не решался. Пальцы напрягались долгое время, но в конце концов замерли в воздухе и опустились.

— Я... сейчас... могу... сказать?..

Стрела была отравлена, и Гу Шаобай сначала почувствовал сильную боль в животе, но вскоре боль исчезла, осталось лишь чувство холода и тоски. Он понял, что, вероятно, умирает, и был рад, что еще может сказать свои последние слова.

— Я прошу... тебя об одном...

Он перевел дыхание, собираясь продолжить, но в следующее мгновение Му Цинфэн закрыл ему рот своим. Этот проклятый закрыл его рот своим ртом.

Но это было лишь легкое прикосновение, и он быстро отпустил, сказав твердо:

— Не проси. Это бесполезно. Я никогда не выполняю просьбы умирающих. Если хочешь просить, подожди, пока поправишься.

Сказав это, он больше не смотрел на Гу Шаобая, а позвал Юй Шисаня и приказал привести Ли Чжишаня.

Гу Шаобай был в отчаянии. Он чувствовал, как оцепенение постепенно распространяется от живота. Он не чувствовал боли, но понимал, что это еще хуже.

Он крепко схватил запястье Му Цинфэна, пальцы впились в кожу, оставляя кровавые следы. В глазах его неконтролируемо появились слезы.

— Послушай... меня, прошу...

Он смотрел в глаза Му Цинфэна, и тот взглянул на него сверху вниз, его взгляд был подобен ледяным просторам. Гу Шаобай на мгновение замер. Этот взгляд так напоминал тот, что он видел в прошлой жизни, когда его связали и бросили на землю — безжалостный, холодный, презрительный к его жалкому существованию!

И сейчас все было так же. Он отдал свою жизнь, чтобы получить хоть каплю сострадания, хоть одно обещание, но и это было невозможно?

Гу Шаобай понимал, что времени осталось мало. Он не позволял себе погружаться в кошмар, оставленный Му Цинфэном в прошлой жизни, и упрямо смотрел ему в глаза. Его взгляд постепенно терял фокус, но в нем явно читалась мольба. Густые ресницы были смочены

слезами, губы и лицо стали бледными и прозрачными.

— Я знаю... ты силен... Я... принял стрелу... за тебя... лишнее...

Лицо Му Цинфэна постепенно расплывалось, и Гу Шаобай захотел спать. Он закрыл глаза, но сразу же открыл их, зрачки потускнели.

— Но... если учесть, что я... старался... каш-каш... прошу тебя...

Он не закончил, потому что Му Цинфэн начал разжимать его пальцы один за другим. Все силы покинули его, и он больше не мог ничего держать. Свет перед глазами постепенно исчезал, и он больше не видел лица того человека. Вокруг стало тихо.

Гу Шаобай почувствовал, как ему в рот положили пилюлю. Погружаясь во тьму, его последняя мысль была о том, чтобы снять маску с лица. Хотя бы показать, кто был с ним все это время!

Это крошечное желание вызвало лишь последний трепет кончика указательного пальца, и затем все погрузилось во тьму.

В ушах прозвучал последний шепот:

— Если ты не выживешь, то человек, которого ты хотел спасти, и то, о чем ты просил, навсегда останутся неизвестными...

Му Цинфэн взял у телохранителя «Великую пилюлю восстановления» и вложил ее в рот Гу Шаобая, наблюдая, как тот непроизвольно проглотил ее, и затем замер.

Он крепко обнял его, прижав губы к его прохладной мочке уха, и тихо что-то прошептал. Тело в его руках было мягким и холодным, и он хотел держать его так вечно.

Черноодетые телохранители окружили их, но никто не осмеливался произнести ни слова.

Солнце палило нещадно, но Му Цинфэн чувствовал себя так, будто погрузился в ледяную воду. Руки и ноги заоченели, даже кончики пальцев были холодными.

Человек в его объятиях слабо дышал, почти не ощущалось движение груди. На бледном лице появился смертельный оттенок, губы из серо-белых постепенно стали лиловыми — признак распространения яда.

Ли Чжишаня принесли два телохранителя, не касаясь земли. Впервые он почувствовал, что летит. Его борода и брови беспорядочно прилипли к потному лицу, выглядел он смешно и жалко.

Как только его ноги коснулись земли, его старые, но ясные глаза сразу увидели Му Цинфэна, сидящего на земле, и он с облегчением вздохнул. Это был знакомый человек, и страх за свою жизнь, который сжимал его горло, наконец отпустил.

Му Цинфэн поднял голову и спокойно сказал:

— Ли врач, он отравлен.

Ли Чжишань положил пальцы на запястье Гу Шаобая и через некоторое время убрал руку. Вместо того чтобы говорить о состоянии, он посмотрел на Му Цинфэна и спросил:

— Кто вы на самом деле?

Му Цинфэн не стал скрывать:

— Я — князь И, Му Цинфэн.

Ли Чжишань услышал это, но не испугался, лишь слегка кивнул:

— Так и думал. Яд очень сильный. Вы, должно быть, дали ему какое-то чудо-лекарство, иначе, когда я пришел бы, увидел бы уже труп.

— Однако, лекарство, которое вы дали ему, хоть и бесценно, лишь замедляет действие яда. Этот яд очень сложный, я могу только постараться...

Му Цинфэн внезапно прервал его:

— Постарайтесь...

Он махнул рукой, и Юй Шисань сразу же подошел, преклонив колено.

Му Цинфэн сказал:

— Кроме вас, все остальные останутся. Отправьте Ли врача и его в клинику, обеспечьте их безопасность.

Один из черноодетых поднял Гу Шаобая на спину, и Ли Чжишань собирался уйти.

— Ли врач, — Му Цинфэн вдруг снова остановил его.

Ли Чжишань обернулся:

— Что еще прикажете, князь?

Му Цинфэн немного помедлил:

— Пожалуйста, спасите его. Если он выживет, я вас щедро отблагодарю!

Ли Чжишань посмотрел на него. Этот человек был совершенно непохож на того А-Чэна, которого он видел пару дней назад. Теперь он излучал царственную ауру, словно орел, сидящий на скале, с острым и холодным взглядом.

Но в его глазах читалась неподдельная тревога и искренняя просьба!

Ли Чжишань кивнул, и два черноодетых снова подняли его, унося прочь.

Ветер свистел в ушах, и он подумал, что его старые кости скоро развалятся.

Юй Шисань подвел двух лошадей, и Му Цинфэн вместе с ним сел на коня. Громкий топот копыт поднял облако пыли, и они направились в уезд Цзинъян.

По пути Му Цинфэн слушал доклад Юй Шисаня.

Как и ожидалось, Юй Шисань и телохранители сразу же за пределами города столкнулись с засадой. Нападавшие были сильны, но не смогли остановить группу Му Цинфэна, их целью было лишь задержать.

Однако они не ожидали, что боевые навыки Му Цинфэна достигли совершенства, и тактика изматывания не сработала.

Му Цинфэн внутренне содрогнулся. Сын Ли Чжишаня устроил на улицах шумные обыски, чтобы вынудить его выйти, а убийцы уже расставили ловушку, даже предвидя, что ради Гу Шаобая он выберет водный путь, а не дорогу.

Он усмехнулся. Хорошо, Гэ Чуньхуэй, отличный план. Но теперь посмотрим, сможешь ли ты выбраться из сети, которую я расставил!

Ключевой фигурой в сети Му Цинфэна был князь Поян Сяо Чаосюнь, который с десятью тысячами солдат скрывался в небольшом лесу на окраине уезда Цзиньян.

Предки Сяо получили титул князя за заслуги в основании государства. Сяо Чаосюню было почти пятьдесят, и когда он помогал предыдущему императору подавить восстание на восточной границе, его единственный сын погиб. После окончания войны на востоке Сяо Чаосюнь, охваченный горем, попросил разрешения вернуться на родину, и император даровал ему владения в Пояне и разрешил содержать частную армию в десять тысяч человек.

Он был единственным чиновником в империи, которому было разрешено иметь частную армию на своей территории.

Сейчас он сидел на камне, размышляя над письмом, которое принес черноодетый телохранитель князя И.

На письме была печать князя И, и в нем было всего несколько слов, не слишком подробных, лишь приказ ждать здесь.

И он пришел. Рискую быть обвиненным в самовольном оставлении своих владений без указа императора, он пришел. Потому что это был князь И.

Князь И, который спас его на поле боя.

Во время той битвы на восточной границе Сяо Чаосюнь, потеряв сына, сражался с врагом на реке Солинси с решимостью умереть.

В той битве реки стали красными от крови, обе стороны понесли тяжелые потери, но он, несмотря на взаимное уничтожение, все же смог сразить вражеского генерала.

<http://bllate.org/book/16730/1538710>